

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-115-123

МОТИВ ВИНОГРАДА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ВАГИНОВА: НОВОЗАВЕТНЫЕ ПРОЕКЦИИ

Матвеева И.И.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образа винограда в прозе К. Вагинова. Автор сосредоточивает внимание, главным образом, на его библейской составляющей, задающей в текстах писателя серьезные смысловые проекции. Однако изрядная доля иронии, сложное соотношение поэтического и бытового, трагического и комического делают образ винограда и ряд близких к нему образов (вина, виноградаря, Иисуса Христа и др.) чрезвычайно насыщенным и метафоричным. Делаются выводы, что за повышенной смысловой густотой образа стоит модернистская традиция Серебряного века, диктующая абсолютную субъективность, внутреннюю конфликтность и релятивизм литературного произведения.

Ключевые слова: модернизм, библейский текст, образ винограда, вино, «Бамбочада», «Козлиная песнь».

THE GRAPE MOTIF IN THE WORKS OF K. VAGINOV: THE PROJECTIONS OF THE NEW TESTAMENT

I. Matveeva

Moscow City University

4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article deals with the image of grape in K. Vaginov's prose. The author focuses mainly on its biblical component, which sets significant semantic projections in the writer's texts. However, much of irony, the complex correlation of the poetic and the everyday, the tragic and the comic make the image of grapes and a number of adjacent images of wine, wine grower, Jesus Christ, etc. extremely rich and metaphorical. The author concludes that behind the increased semantic density of the image stands the modernist tradition of the Silver age, which dictates the absolute subjectivity, inner conflict and relativism of the literary work.

Key words: modernism, the biblical text, the image of grapes, wine, "Bambocciada", "Goat song".

Константина Вагинова (1899–1934) с полным правом можно назвать писателем, стоявшим у истоков филологической прозы. Страстный коллекционер книг, ученик Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, близко знакомый с М. Бахтиным, хорошо осведомлённый о тенденциях филологической науки, К. Вагинов соз-

дал изысканную интеллектуальную прозу, ориентированную на диалогичность в бахтинском понимании этого термина. Отсылки к различным пластам отечественной, западноевропейской, античной культуры, пассаизм, не исключают друг друга трагедия и ирония образуют в его произведениях сплав разнонаправленных смыслов. Говоря словами одного из героев романа «Козлиная песнь», проза писателя – это «иносказание, нуждающийся в интерпретации специальный материал» [3, с. 55].

Цель настоящей статьи – обратить внимание на такую составляющую смысловой палитры произведений К. Вагинова, как библейский текст, и с помощью филологического наблюдения, контекстологического и компонентного анализа показать его связь с модернистской традицией, представить как некое новое качество, присутствующее неклассической прозе первой половины XX в. Следует отметить, что исследования творчества Вагинова в дискурсе модернизма и авангардизма предпринимались С.А. Кибальником [7], Д.Л. Шукуровым, О. Шиндиной [12], А. Разумовой [10] и др., отмечалась также его связь с античностью (А. Пурин), однако сведение художественного наследия Вагинова только к античному и авангардному дискурсу и игнорирование такого важного источника, как Библия, обедняет восприятие стихов и романов художника слова, ведёт к однобокому пониманию его концепции искусства.

При внимательном прочтении романов писателя оказывается, что многие их образы и мотивы имеют библейскую родословную. Это образы Христа, грешницы, мотивы соби-

рания, спасения, смерти, искупления грехов и проч. При этом Вагинов не был религиозным писателем. Творческие стратегии его были иными: с помощью образов, отсылающих к Книге книг, он задавал новые экзистенциальные проекции смыслов своих произведений.

Разделяя мнение О. Юрьева о том, что К. Вагинов «всегда контролирует смыслы и их оттенки» [13], отметим, что значимые образы вагиновской прозы, и в частности, библейские мотивы, имеют двойные и тройные коды прочтения, являются своеобразными знаками, которые функционируют не только в религиозном дискурсе, но и апеллируют к известным и менее известным литературным артефактам, к людям искусства, бытовым деталям, к философской парадигме времени, создавая новую логику текста и открывая перспективы его бесконечного смыслового пространства. Следует отметить, что подобная «густота» художественного слова шла в русле тенденций искусства начала XX в., отмеченных ещё В.М. Жирмунским [4, с. 52–54], Р.В. Ивановым-Разумником [6], А. Белым [1], Е.И. Замятиным [5, с. 382–391], в дальнейшем описанных М. Бахтиным, а также многими современными литературоведами. Эти явления литературы рубежа веков называют по-разному: неореализм, синтетизм, экспрессионизм и т. д. Однако общими для всех этих нестандартных явлений были философско-художественная концепция бытия, диалогизм, «абсолют субъективности» [8, с. 25], интертекстуальность, стремление к художественному синтезу, отказ от строгих канонов и норм, всепроникающее чувство иронии.

Мотив винограда в творчестве К. Вагинова воспринимается именно в духе новых эстетических тенденций, как некий «религиозный элемент внерелигиозной культуры» [2, с. 328], так как поэтическая составляющая в нём соседствует с явным снижением и травестией образа. При толковании мотива возникают интересные семантические сплетения и сложные коннотации. Проследим некоторые способы введения данного образа в тексты, его смысловое наполнение, роль, которую он выполняет в произведениях.

Конфликт, порождённый присутствием в одном образе высокого и будничного, вещного, порождают напряжение, создают оппозицию *поэтическое/бытовое*. При этом в текстах Вагинова противопоставленные части не разделяются, а, напротив, незаметно «перетекают» друг в друга. Поясним это на примерах. Виноград считается одним из символов христианского рая. Картины райской жизни, как правило, не обходятся без его упоминания. Например, богослов IV в. Ефрем Сирийский в сочинении «О рае» воссоздаёт следующую картину: «На блаженной земле кротких, ... вода упокоения и место злачное, ... и *виноград*, возделываемый Богом всяческих, на той блаженной земле, которая приносит прекрасные плоды, произрастает древо жизни, орошается источниками духовных дарований, на которой растёт *истинный виноград*, которого деятелем, как слышим, есть Дух...» [11, т. 3, с. 21]. Как видим, изображение сопровождается не только описанием «блаженной» земли и «злачного» места, но и напоминанием о том, что рай – это и древо жизни, орошаемое духовными источниками, из которых и произрастает

истинный *виноград*. Однако у Вагинова метафора рая теряет свою нерасчленимость, распадается на составные части.

В романах писателя образ винограда часто связывается со сладкой *блаженной* жизнью, философией эпикурейства с её культом еды, телесных удовольствий, дружеского общения: «Он (Торопуло. – И.М.) принес японскую вазу, наполненную ландышами ... лёгкое вино в сверкающих графинах, украшенных *серебряными виноградными листьями*, и приготовленные по старинному способу минюги...» [3, с. 424]; «Чем же украсить мою комнату, – думал Локонов, – для посещения моей воображаемой невесты? ... Куплю немного вина, баночку шпрот, печенье, яблок кило полтора, *немного винограду*...» [3, с. 449–450]. В процитированных фрагментах образ винограда иронически снижен, опошлен. В обеих сценах нет даже намёка на духовную составляющую общения людей. В первом случае виноград, несмотря на богатое убранство квартиры и изобилие стола, явлен жулику Анфертьеву не в своём физическом воплощении, а в виде изображения на графинах. Это весьма символично, поскольку и Анфертьев, промышленный продажей ненужных вещей, и хозяин шикарной квартиры, обыватель Торопуло, не достойны рая. Но Анфертьев, пришедший из голодного разорённого города, не заметил подмены, так как был «выбит из колеи» великолепием дома. Во втором случае виноград присутствует в сцене банального любовного свидания. Красноречивы детали: Локонов, готовясь к встрече дамы, покупает довольно много яблок и «немного винограду». Как известно,

яблоки в библейской традиции – символ грехопадения, и поскольку яблок в вазе на столе Локонова было много, а винограда мало, то и сцена ночного свидания, не одухотворённого любовью, далека от романтики и сопровождается разочарованием обеих сторон. «... Он даже не поцеловал меня», – думала, возвращаясь домой, Юлия; «Одинок, по-прежнему одинок» [3, с. 451–452], – размышлял после свидания Локонов.

И всё же несомненно то, что виноград в произведениях писателя ассоциируется с высокой составляющей образа рая, с райским садом. Не случайно в прекрасный эфемерный мир стремятся вагиновские герои-поэты, художники, идеалисты: «К утру мерещился Тептелкину сад тишайший. Солнце внутри церквей, монахи, сморкающиеся в руку, олеандры цветущие, нежное, розовое море, кашляющие, как чахоточные при пробуждении, колокола, *виноградная лоза*, ещё покрытая росой, и чаёк на блюдечке...» [3, с. 105]. Но райская идиллия, связанная для героев Вагинова с творчеством, полётом фантазии, вновь оказывается снижена большой долей иронии. Так, возвышенное в мыслях Тептелкина соседствует с бытовым, приземлённым. Наполненные солнцем церкви мирно уживаются с монахами, «сморкающимися в руку», «нежное, розовое море» – с колоколами, «кашляющими, как чахоточные», виноградная лоза – с «чайком на блюдечке» и «хрюканьем ... свиней за оградой» [3, с. 105]. Фантазии Тептелкина простираются ещё дальше. Мысленно он воображает себя Иисусом Христом: «Хотел бы он ... сесть на высокую, величественную гору и смотреть на весь мир и

наслаждаться. И казалось ему, что его там обязательно обступят бесы, а он отвернётся и отринет – “не хочу, – скажет он, – идти с вами, не вашей я породы, всю жизнь с вами боролся”» [3, с. 105]. Однако в итоге герой оказывается недостойным рая. Он потерпел творческое поражение, но взамен поэтического олимпа получил другой – домашний «рай», наполненный милыми семейными радостями. Втайне герой сожалеет о неосуществлённой мечте. Красноречива деталь: за его окнами «стояли двухлетние *виноградные кусты*» – «чахлые и прозрачные», будто напоминающие о суррогатности обрётённого счастья. Об этом же говорит и другой иронический пассаж: вместо райского сияния над головами супругов горит электрическая лампочка. И лишь спустя годы сад-эдем Тептелкина всё же осуществился стараниями его жены Марьи Петровны Далматской. Однако «малюсенький садик, более похожий на террариум» [3, с. 160], столь тесен, что постаревший философ едва мог в нём повернуться. Знаменательно, что именно здесь герою приходит мысль, что «культура, которую он защищал, была не его, что он не принадлежал к этой культуре» [3, с. 160].

Чаще всего образ винограда встречается в романе К. Вагинова «Бамбочада» (1931) Он упоминается в тексте 14 раз и вводится разными способами: чаще всего как имплицитное напоминание о рае («сладостное *виноградное* освещение фонарей», «вода в ... пруде *цвета винограда*»). И вновь, как и в романе «Козлиная песнь», возникает парадигма «виноград–рай–творчество», где каждая смысловая составляющая «просвечивает» сквозь другую. С помощью образа винограда Вагинов

доносит мысль о тщетности попыток обрести рай в искусстве, именно так можно интерпретировать сцену в санатории для туберкулёзных больных, где главный герой увидел беседку, украшенную амурами: «...в особенности понравились Евгению амуры, собирающие *виноград*; один рассматривает гроздь, другой наполняет корзину, третий, стоя в огромной бочке, давит с радостным усилием и шаловливой улыбкой зрелую виноградину» [3, с. 359]. Роспись на беседке слишком далека от реальной жизни и лишней раз напомнила герою о быстро тающей собственной жизни, в которой он так и не успел создать свой художественный мир-рай.

Мотив винограда в романе обыгрывается и средствами ономастики. Интересно, что центрального персонажа, Евгения Фелинфлеина, в кружке Торопуло звали «изящным» именем Вендимиан, которое, по ироническому замечанию Вагинова, означает «собиратель винограда» и «виноградарь» [3, с. 293]. Авторское пояснение обращает к Новому завету, где образ винограда, виноградников и виноградаря нагружен символическим подтекстом. Самые известные притчи о винограда-рях отсылают к евангелиям от Матфея и Иоанна [Мф. 20: 1–16, 21: 33–43], к проповеди Иисуса на Тайной вечере, в которой он говорил о себе как о виноградной лозе [Ин. 15]. Однако в тексте Вагинова библейские аллюзии создают ироническое поле, характеризуя Фелинфлеина как собирателя – но материальных, а не духовных ценностей. Для Евгения «собрание» связано с воровством (кража золотого браслета у невесты Лареньки, мелкие хищения в доме друзей). Примечательно, что,

перепродав украденные книги, герой покупает себе 500 граммов *винограда* и тут же съедает его (т. е. меняет духовное на материальное). Так имя Вендимиан в романе получает отрицательные коннотации: Фелинфлеин превращается в предавшего заповеди апостола.

Интересно, что у Фелинфлеина есть друг – инженер Торопуло. Этот персонаж также связан с мотивом винограда. По ироническому замечанию автора, Торопуло, вкушая «тревожный запах винограда», живёт «в атмосфере никогда не существовавшего золотого века» [3, с. 306]. Любуясь природой, он сравнивает цвет воды в пруде с цветом винограда, белая ночь окрашивается для него «сладостным» «*виноградным* зеленовато-голубоватым светом» [3, с. 308]. Однако виноград для инженера всего лишь материальный объект – сладкие ягоды. Так его мечта – плодоносящий райский сад, соотносимый с хилиастическими представлениями о «тысячелетнем царстве», – дискредитируется, переводится на потребительский уровень, лишается духовного смысла. В финале романа Торопуло получает прощальные письма от Фелинфлеина, но не узнаёт друга за вымышленными именами учёного Загни-Бородова, нумизмата С. Мухина и др. Торопуло не способен расшифровать заключённые в них послания, трактуя открытки Фелинфлеина в привычном и понятном для себя «гастрономическом» ключе. Таким образом, Торопуло тоже являет собой образ сбитого с толку, обманутого и потерявшего нравственные ориентиры апостола. Если главный герой, жених (как представляет его Вагинов), блуждает в духовной темноте, то перспективы

просветления ученика, не способного прочесть послания своего учителя, выглядят и вовсе туманными (см. об этом: [9]).

В образе винограда имплицитно присутствует ещё один символический смысл. Известное крылатое выражение “in vino veritas” обращает к мудрости, обретенной с помощью опьянения. В Библии также есть мотив приобщения к истине через вкушение вина-крови Христа. Для многих героев Вагинова, мыслящих поэтическими категориями, очевидна связь винограда, вина и творческого вдохновения, которое для них и есть момент истины. Они стремятся в буквальном смысле вкушать от плодов винограда, поэтому предпочитают чаю алкоголь. Так, неизвестный поэт из романа «Козлиная песнь», оказавшись в пошлой компании безумных юношей, после предложения выпить чаю с разочарованием думает, что «здесь нельзя говорить о сродстве поэзии с опьянением»: «Они не поймут, что поэт должен быть, во что бы то ни стало, Орфеем и спуститься во ад, хотя бы искусственный, зачаровать его и вернуться с Эвридикой – искусством. ... Средство изолировать себя и спуститься во ад: алкоголь, любовь, сумасшествие» [3, с. 83]. Этим же постулатом руководствуется герой «Бамбочады» Фелинфлейн, погружаясь в мир наркотического опьянения и вызывая у себя фантастические видения, которые, однако, не приносят ему конкретных творческих результатов.

В подобном девиантном поведении персонажей Вагинова отразились реальные черты жизни литературной и артистической среды начала XX в. Вино, наркотики были неотъемлемой частью собраний писателей, поэтов,

художников. Вагинов иронизирует над божественным сознанием своих персонажей. В Евангелии от Луки читаем: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Лк. 6, 43). Увы, истинную мудрость в вине никто из героев писателя не обретает. Все они бесплодны как в физическом, так и творческом плане, и их страсть к застольям, к картинкам на соответствующие темы («всевозможные изображения духовенства, пирующего за столом») только подчёркивает их обречённость.

Образ винограда (и по ассоциативной связи – вина) у Вагинова полифункционален. Помимо перечисленных выше смыслов писатель придал ему также символическое значение жизни, а значит, бессмертия. Если в начале романа, в период любовного увлечения Ларенькой, Евгений Фелинфлейн может легко, не задумываясь съесть полкилограмма винограда, суп из виноградного вина, ночь напролёт в состоянии алкогольного опьянения просидеть в гостях, то в конце романа умирающий Евгений может лишь рассматривать изображение амуров, собирающих виноград. О невесте Лареньке он думает уже спокойно и как бы издали – вино жизни уже не бурлит в нём.

Итак, образ винограда в творчестве К. Вагинова имеет разнонаправленные, нередко противоположные смыслы. За его повышенной смысловой густотой стоит модернистская традиция литературы Серебряного века, диктующая внутреннюю конфликтность и релятивизм образов. Из представленного выше ряда – *виноград-вино-виноградарь* – выстраивается парадигма, отсылающая не только к современно-

сти автора, но и античности, Библии, Спасителю, Эдему, к философским понятиям Истины и Любви и одновременно к мотивам Жертвы, Смерти, Вечности. Несмотря на то, что образ винограда и связанный с ним ряд иронически снижены, демонстрируют несовместимость современной Вагинову жизни и творчества, однако сквозь иронию и отрицание видна бесконечная любовь к миру, его красоте, принадлежащей Вечности. Образ винограда, в котором Вагинов соединил высокое и

низкое, представляется своеобразным ступком авторского мирозерцания, задающим экзистенциальные проекции многим сценам и образам. С его помощью писатель затронул коренные аспекты человеческого бытия, вопросы о смысле жизни. Несомненно, что многоуровневая смысловая структура образа винограда вызывает широкий круг ассоциаций и требует тщательного изучения и дальнейшей герменевтической расшифровки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм и современное русское искусство // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 525 с.
2. Булгаков С. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
3. Вагинов К.К. Козлиная песнь: Романы. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. А. Герасимовой. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
4. Жирмунский В.Н. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12. С. 52–54.
5. Замятин Е.И. Избранные произведения: в 2 т. М.: Советская Россия, 1990. Т. 2. 538 с.
6. Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика: статьи критические 1908–1922. Петроград: Колос, 1922. 262 с.
7. Кибальник С.А. Велимир Хлебников в «Козлиной песни» К. Вагинова (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 19–31.
8. Липовецкий М.Н. Модернизм и авангард: родство и различие // Филологический класс. 2008. Вып. 20. С. 24–31.
9. Матвеева И.И. Иронический модус в структуре образа главного героя романа К. Вагинова «Бамбочада» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2. С. 25–34.
10. Разумова А. Пафос диахронии в филологических текстах круга М. Бахтина и в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» [Электронный ресурс] // Коллаж. Вып. 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kollazh/k4-2003/15135-pafos-diahronii-v-filologicheskikh-tekstah-kruga-m-bahtina-i-v-romane-k-vaginova-kozlinaya-pesn.html> (дата обращения: 10.03.2018).
11. Сирин Е. Творения: в 4 т. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994.
12. Шиндина О. Художественный и научный дискурсы 1920-х годов. Тыняновский подтекст образа литератора в художественном мире К. Вагинова // Логос. 2014. № 3. С. 145–164.
13. Юрьев О. От звукоподражания до звукоподобия: К. Вагинов, поэт на руинах [Электронный ресурс] // Звезда. 2016. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/6/ot-zvukopodrazhaniya-do-zvukopodobiya.html> (дата обращения: 5.04.2018).

REFERENCES

1. Belyi A. [Symbolism and the contemporary Russian art]. In: Simvolizm kak miroponimanie [The Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 525 p.
2. Bulgakov S. Svet nevechernyi: sozertsaniya i umozreniya [Non-evening light: contemplation and conclusions]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p.
3. Vaginov K.K. Kozlinaya pesn': Romany. Stikhotvoreniya i poemu [Goat song: Novels. Poems]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 608 p.
4. Zhirmunskii V.N. [Overcoming the symbolism]. In: Russkaya mysl' [Russian thought], 1916, no. 12, pp. 52–54.
5. Zamyatin E.I. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. [Selected works: in 2 vol.]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. Vol. 2. 538 p.
6. Ivanov-Razumnik R.V. Tvorchestvo i kritika: stat'i kriticheskie 1908–1922 [Creativity and criticism: critical articles 1908–1922]. Petrograd, Kolos Publ., 1922. 262 p.
7. Kibal'nik S.A. [Velimir Khlebnikov in “Goat song” by K. Vaginov (On the issue of cryptography in the Russian avant-garde of the 1920s)]. In: Novyi filologicheskii vestnik [The New Philological Bulletin], 2014, no. 2 (29), pp. 19–31.
8. Lipovetskii M.N. [Modernism and the avant-garde: the relationship and difference]. In: Filologicheskii klass [Philological Class], 2008, no. 20, pp. 24–31.
9. Matveeva I.I. [Ironic Modus in the Image Structure of the Protagonist of the novel by K. Vaginov “Bambocciada”]. In: Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya “Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoie obrazovanie” [Moscow City University Vestnik. Series Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2017, no. 2, pp. 25–34.
10. Razumova A. [Pathos of diachrony in the philological texts of M. Bakhtin's circle and in the novel “Goat Song” by K. Vaginov]. In: Kollazh [Collage], iss. 4. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/kollazh/k4-2003/15135-pafos-diahronii-v-filologicheskikh-tekstah-kruga-m-bahtina-i-v-romane-k-vaginova-kozlinaya-pesn.html> (accessed: 10.03.2018).
11. Sirin E. Tvoreniya: v 4 t. [Creations: in 4 vol.]. Moscow, Publishing Department of the Moscow Patriarchate, 1994.
12. Shindina O. [Art and science discourses of the 1920s. Tynyanov's subtext of a writer within the artistic world of Konstantin Vaginov]. In: Logos [The Logos journal], 2014, no. 3, pp. 145–164.
13. Yur'ev O. [From onomatopoeia to sound similarity. Konstantin Vaginov, a poet on the ruins]. In: Zvezda [Star], 2016, no. 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/6/ot-zvukopodrazhaniya-do-zvukopodobiya.html> (accessed: 5.04.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матвеева Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: matv1@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Matveeva – PhD of Philological sciences, associate professor at the Department of the Russian Literature, Moscow City University;
e-mail: matv1@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Матвеева И.И. Мотив винограда в творчестве К. Вагинова: новозаветные проекции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 115–123.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-115-123

FOR CITATION

Matveeva I.I. The grape motif in the works of K. Vaginov: the projection of the new testament. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 115–123.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-115-123